

УДК [252+238+262.1](470.391)''18''

**ПРОПОВЕДНИЧЕСТВО В ПРАКТИКЕ ГОРОДСКОГО
ДУХОВЕНСТВА ТВЕРСКОЙ ЕПАРХИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА¹**

Д. А. Беговатов

Тверской государственный университет,
кафедра отечественной истории, Тверь

В статье на примере Тверской епархии прослеживается развитие проповедничества в практике городского духовенства в первой половине XIX в., выявляются сложности организации назидательных и катехизических поучений и эффективность православной проповеди.

Ключевые слова: проповедничество, Тверская епархия, православное духовенство, катехизация.

Проповедничество и катехизация – основные виды просветительской деятельности православного духовенства. Через живое слово пастырь имеет возможность влиять на духовную жизнь паствы, повышать уровень религиозной образованности прихожан. Если исключить данный аспект из практики священнослужителей, то деятельность клириков превратится в примитивное требоисполнение, а вера безграмотного народа, не подкрепленная назиданиями, поучениями, толкованиями Священного Писания, трансформируется в обрядоверие или безверие.

Проповедование и преподавание катехизического учения многое сближает, что позволяет объединить их в одну группу обязанностей, возложенной на плечи духовенства. Однако эти два вида религиозно-просветительской деятельности всё же различаются между собой тематическим полем.

Вот как определяются термины «Проповедь» и «Катехизические поучения» в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: «Проповедь – христианское церковное наставление, преподаваемое в храме за литургией, имеющее своей задачей поведать и разъяснить слушающим учение И[исуса]. Христа». «Катехизические поучения — один из видов церковной проповеди в настоящее время, имеющий предметом возможно упрощенное и общепонятное объяснение катихизиса (символа веры, молитвы Господней, заповедей блаженств, десятословия и т. д.) для народа»².

¹ Рецензент – научный руководитель, док. ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Тверского госуниверситета Т. Г. Леонтьева.

² Н. Б.-в. Катихизические поучения // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. С.-Пб., 1895. Т. 14А (28): Карданахи – Керо // URL: <http://www.brocgauz.ru/text/049/262.htm>

Таким образом, катехизическое поучение – это частный случай проповеди, однако акцент в нём делается на просвещении народа.

Представляется актуальным проследить, как развивалось проповедничество в первой половине XIX в. и с какими сложностями сталкивались церковь и её служители по мере распространения этой формы пастырской деятельности.

Изучение проповедничества в первой половине XIX в. обусловлено особой важностью данного периода для истории Русской православной церкви. В период правления Павла I, Александра I и Николая I духовное образование в России формировалось как система, но священнослужители в большинстве своём всё ещё оставались исполнителями треб. Между тем, народ нуждался в настоящих духовных учителях и наставниках. Процесс внедрения проповедничества в обязанности православных пастырей рассматривается на примере городского духовенства Тверской епархии.

При этом важно отметить, что проповедничество отнюдь не священническая преференция, обращаться с поучениями к народу могли также дьяконы и даже лица, не имеющие сана – например, преподаватели духовных учебных заведений, – однако в данной статье будут рассматриваться только священно- и церковнослужители³. К началу XIX в. в городах Тверской епархии насчитывалось 159 иереев, 92 дьякона, 279 дьячков и пономарей; всего 530 человек⁴.

В рассматриваемый период начинают изменяться требования, предъявляемые государством и церковью к приходскому батюшке, пересматриваются приоритеты выполняемых им функций; наблюдаются попытки заменить попа-«отправителя богослужения» настоящим священником-пастырем. Однако до второй четверти XIX в. успехи в этом отношении были очень незначительными, ситуация начала существенно меняться лишь после смерти Александра I. Новый император, Николай I, требовал, чтобы служители церкви читали прихожанам простые и понятные проповеди, учили катехизису и пр. Государь полагал, что образованное, хорошо подготовленное духовенство – единственное средство, способное «уменьшить зло» в народе⁵.

Проповедованием и чтением катехизических поучений в первой половине XIX в. было охвачено значительное количество священнослужителей, причём их число увеличивалось вместе с ростом образовательного уровня духовенства. Однако священнослужителям эпохи царствования Александра I и Николая I ещё следовало научиться, как и каким языком проповедовать слово Божие. Очевидно, в начале века при обучении духо-

³ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 160. Оп. 1. Д. 360. Л. 2–7 об.

⁴ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 15745, 15778, 15866, 15962, 16027, 16107, 16181, 16243, 16314, 16388, 16409, 16475, 16484.

⁵ Freeze G. L. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton: Princeton University Press, 1983. P. 5–6.

венства этому уделялось недостаточное внимание. Для того чтобы клирик мог проповедовать с амвона, ему было необходимо окончить полный семинарский курс, т. е. стать «богословом». Подтверждение этого можно найти в клировых ведомостях начала XIX в., где отмечается, кто и как часто «сказывает проповеди».

Так, например, по клировой ведомости 1802 г. при Покровской церкви города Ржева штатными священнослужителями были священник и дьякон. Священник окончил богословский курс и дважды в год обращался с поучением к приходу. Дьякон же выпустился из «философии», поэтому он «проповеди за неспособностью не сказывает»⁶. Пометки такого рода встречаются неоднократно.

Представляется необходимым проанализировать данные об образовательном уровне городского духовенства Тверской епархии в конце XVIII в. За основу для расчётов были взяты клировые ведомости 1793 г.⁷. Согласно расчётам, в городах Тверской епархии в конце XVIII в. при выпуске из семинарии степень богослова получили 80 выпускников или 50,3 % будущих священников, 22,8 % дьяконов (21 чел.) и 1,4 % церковнослужителей (4 чел.). В то же время «не были в школах» 28,9 % священников (46 чел.), 40,2 % дьяконов (37 человек) и 54,1 % церковнослужителей (151 чел.)⁸.

Для каждого отдельно взятого города ситуация с образовательным уровнем духовенства могла сильно отличаться как положительной, так и отрицательной динамикой. Например, в уездных городах Корчеве и Вышнем Волочке все священники по образованию были «богословами», а в Твери, Торжке и Осташкове – две трети. В то же время в Кашине лишь четверть батюшек окончила полный семинарский курс, а в Весьегонске, расположенном на окраине губернии, ни один из священно- и церковнослужителей не был в школах.

Причины такого разброса в показателях требуют самостоятельного исследования, однако можно предположить, что на уровень образованности могли влиять такие факторы, как уровень доходов духовенства, расстояние конкретного города от губернского центра и возраст священно- и церковнослужителей (клирики в XIX в. обучали детей гораздо охотней, чем в XVIII в.).

Помимо образовательного уровня, который был, безусловно, необходим для успешного проповедования, необходимо обратить внимание на процесс подготовки будущих пастырей в духовных учебных заведениях. Зачастую ораторские навыки, вынесенные из семинарии, на практике оказывались малоэффективными из-за своей книжности, вычурности и обилия сложных грамматических конструкций. Как отмечает американский исследователь Г. Фриз, который длительное время изучал дореволюционное (в частности,

⁶ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16314. Л. 206–209.

⁷ Дефицит информации восполнялся за счет аналогичного источника за 1791 и 1796 гг.; для восстановления части утраченной информации по осташковскому Троицкому собору использовались данные 1802 г.

⁸ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 15745, 15778, 15866, 15962, 16027, 16107, 16181, 16243, 16314, 16388, 16409, 16475, 16484.

тверское) духовенство, до второй четверти XIX в. проповедь была всего лишь одной из форм академической риторики, в которой духовенство упражнялось подчас только два-три раза в год⁹. На этом фоне встречающиеся случаи, когда некоторые священники говорили по 8 или даже 17 проповедей в год (например, Бежецк, 1801 г.) – явное исключение из правила¹⁰.

К общей неблагоприятной ситуации с проповедованием, имевшей место в Русской православной церкви в данный период, могли примешиваться и субъективные причины, усугубляющие и без того достаточно плачевное положение с поучениями в храме. В одной из статей в «Тверских епархиальных ведомостях» характеризуется проповедь времен Отечественной войны 1812 г. в Тверской епархии: «Живой, одушевлённой проповеди нигде не слышалась, частью потому, что тогда и вообще проповедь отличалась мертвою схоластикою, частью потому, что высокопреосвященнейший Мефодий (архиепископ Тверской. – Д. Б.) был особенно строг к проповедникам и многим из них приходилось жутко от его рецензий»¹¹.

Во второй четверти XIX в. начинает изменяться подход к проповедованию при подготовке священнослужителей в учебных заведениях и в практической деятельности духовенства: короткие, доступные проповеди и беседы постепенно заменяют формальные, риторические построения. По мнению Г. Фриза, на практике благоприятные плоды этого сдвига проявлялись в том, что молодые священники, окончившие семинарию ближе к середине XIX в., имели большее влияние на паству, нежели их старшие собратья¹². Подтверждение этого тезиса на конкретных примерах будет дано ниже.

Старшее поколение священнослужителей с трудом адаптировалось к новым условиям, часто с неприязнью относилось к новым веяниям. Например, тверской священник-цензор Кузьма Кириллович Чередеев, по словам современника и сослужителя В. Ф. Владиславлева, «до чрезвычайности любит все формы и законы риторические, требует периодов круглых и полных, требует тропов и фигур, требует всего скелета риторического в проповеди, формальных доказательств, вступлений, переходов, заключений, требует, чтоб и слог иль язык самый проповеди отличался латинизмом, книжничеством. Поэтому не удивительно, что молодые проповедники, которые заменяют пустые формы риторики истинным красноречием и здравым рассуждением, не совсем нравятся Кузьме»¹³.

Следует заметить, что данная характеристика дана К. К. Чередееву в 1852 г.; из неё видно, что к середине XIX в. книжный стиль поучений ещё

⁹ Freeze G. L. Op. cit. P. 6. См., например: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16314. Л. 202–205 об.; Д. 16389. Л. 11–18 об.; Д. 16411. Л. 1–5 об., 9–12.

¹⁰ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 15870. Л. 7–8 об., 11–12 об.

¹¹ 1812-й год в Тверской епархии // Тверские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1884. № 11 (неоф. часть). С. 345.

¹² Freeze G. L. Op. cit. P. 130.

¹³ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1221. Л. 88 об.–89.

не везде сменился простым и доступным словом, хотя такая тенденция проявлялась всё сильнее.

Совсем другие обращения к пастве выходили из-под пера молодых священников: в них дышало живое чувство, язык был прост и понятен широкой аудитории. В. Ф. Владиславлев так характеризует свои проповеди: «Я действительно говорю поучения свои языком простым, разговорным, понятным для всякого, а не каким нибудь дубовым латинским языком, которым писались во время оно проповеди... На язык я смотрю, как на средство передать мысль мою и чувства другому, и если я это достигаю без риторических фигур без вычур, а простым словом, – не понимаю, что винить меня»¹⁴.

В стремлении приблизить слова проповеди к народу В. Ф. Владиславлев не был одинок. Другой видный священник Тверской епархии, И. С. Белюстин, также ратовал за замену формальных поучений на живое слово, за доступность их пониманию простого обывателя¹⁵. Очевидно, только такие проповедники могли завоевать любовь и уважение у слушателей, дойти до ума и сердца обычного прихожанина.

Однако очевидно, что некнижной, свободной, простой и понятной проповеди приходилось бороться за право на существование и с трудом пробиваться через преграды, которые воздвигали на этом пути ревнители старого типа поучений. Данная проблема имела повсеместный, а не локальный характер, и именно поэтому великий русский писатель Н. С. Лесков в известном произведении «Соборяне» поместил в дневник протоиерея Савелия Туберозова фрагмент, который очень близок цитированным выше отрывкам. Вот что записал данный литературный герой в своём дневнике под 20 октября 1837 г.: «...я не могу с холодностию бесстрастною совершать дело проповеди. Я ощущаю порой нечто на меня сходящее, когда любимый дар мой ищет действия; мною тогда овладевает некое... священное беспокойство; душа трепещет и горит, и слово падает из уст, как уголь горящий... А они (духовные власти. – Д. Б.) требуют, чтобы я вместо живой речи, направляемой от души к душе, делал риторические упражнения...»¹⁶.

Большое значение для восприятия проповеди слушателями имел не только язык, но и её протяжённость во времени. Большие поучения утомляли народ, но в 30–40-е гг. XIX в. в Тверской епархии даже представители епископата и высокопоставленного духовенства не очень заботились об этом. Например, внушительными размерами отличались записанные проповеди архиепископа Григория (Постникова), а поучения ректора тверской семинарии Афанасия (Соколова) подчас не умещались на 20 почтовых лис-

¹⁴ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1187. Л. 5–5 об.

¹⁵ Freeze G. L. Op. cit. P. 208. О значении проповеди Белюстин не раз рассуждает на страницах дневника. См.: Из истории провинциального духовенства. И. С. Белюстин. Заметки. 1847–1850 / сост. Т. Г. Леонтьева. М.-Тверь, 2001.

¹⁶ Лесков Н. С. Соборяне / Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 80.

тах¹⁷. По сути, такая проповедь превращалась в целое богословское рассуждение, и можно только гадать, много ли пользы приносили подобные пространственные речи малоподготовленному обывателю.

В XVIII–XIX вв. церковное и светское начальство неоднократно обращало внимание на содержание читаемых в храмах проповедей, так как священник, вещающий в доме Божием с амвона перед массами верующих, обладал значительным влиянием на них. Если проповедь содержала опасные для государства и церкви мысли, намёки, неоправданные аналогии, ложные постулаты, то она могла повлечь за собой тяжёлые последствия – брожение в народе, неповиновение и пр. Неудивительно, что проповедникам предписывалось наставлять народ «в благонравии и послушании властям»¹⁸. Ещё Духовный регламент 1721 г. содержал указания, какие нравоучения должна заключать проповедь, каких выражений следует избегать священнослужителю, даже какие телодвижения использовать¹⁹. Однако на практике духовенство часто нарушало существующие правила. В 1794 г. тверской архиерей получил от обер-прокурора синода А. И. Пушкина постановление, разосланное по всему церковному ведомству, в котором высказывалась озабоченность по поводу известного вольнодумства проповедников и отсутствия необходимого контроля над ними: «Ныне же примечено, что в некоторых городах сказывающие сочинения своего проповеди в высокаторжественные и другие праздничные дни, отступая от оных предписанных правил (Духовного Регламента. – Д. Б.), вместо полезного нравоучения, входят разсуждением своим о других сторонних материях, упоминая даже о политических со всем к проповеди Божией неотносящихся делах, приводя к тому из истории неприличные примеры в выражениях нелепых, соблазнительных и нетерпимых в обществе, от чего могут произойти неприятные следствия и для самого начальства духовнаго... настит нужда взять должную предосторожность и изыскать все возможные средства к отвращению таковых злоупотреблений»²⁰.

В данном постановлении явно прослеживается обеспокоенность государства относительно качества и содержания «духовной пищи», которую получает народ от священнослужителей в храме. Однако этот документ – не единственный в ряду подобных циркуляров; власти регулярно напоминали архиереям о необходимости неусыпного контроля за духовенством. Например, предписания 1797 и 1800 гг. повелевали немедленно переводить

¹⁷ Тверские проповедники в тридцатых и сороковых годах нынешнего столетия // ТЕВ. 1896. № 9 (неоф. часть). С. 258–259.

¹⁸ Устав духовных консисторий 1841 г. Ст. 8.

¹⁹ Относительно телодвижений, неприличных проповеднику на амвоне, можно привести цитату из дневника В. Ф. Владиславлева, где он описывает донос недоброжелателей властям о его вольностях во время поучений паствы: «Насказали ещё: что когда я выхожу говорить проповедь, то неприлично держу себя на кафедре, кладу руки на аналой, поправляю волосы на голове, поправляю бороду и усы». См.: ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1187. Л. 5.

²⁰ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2708. Л. 2 об.

священника из одного прихода в другой в случае возникновения одно лишь подозрения относительно его неблагонадёжности²¹.

Для сочинения собственных проповедей священнослужителю, как уже отмечалось, было необходимо обладать определённым образовательным уровнем и соответствующими способностями, а для их оглашения перед паствой следовало получить одобрение духовного начальства – архиепископа, назначенного им цензора или благочинного²².

В фонде тверской духовной консистории сохранился документ 1800 г., в котором священно- и церковнослужители г. Бежецка, выслушав от благочинного Указ-увещание Синода удерживаться «от противных званию их деяний», дали подписку в том, что будут стараться соответствовать своему высокому званию и исправно выполнять свои обязанности. В частности, о проповедническом аспекте священнической практики в этом документе говорится следующее: «Учёные же из них священников и диаконов сочинять и говорить будут по праздничным дням свои собственные проповеди, извлекаемые из слова Божия и поучений Св. отец без всякаго впрочем со своей стороны лишняго умствования, и оные свои проповеди отдавать будут они наперед того на обпробацию учреждённым цензорам»²³. Если по какой-то причине у проповедника не было возможности представить своё сочинение до его оглашения в храме цензору, то это следовало сделать после для просмотра и внесения в клировую ведомость²⁴.

Из приведённой цитаты видно, что, с одной стороны, церковные власти обязывали «ученых» священников проповедовать (или, во всяком случае, поощряли их к сочинению собственных поучений), а с другой – пропускали их творения через цензурные органы для контроля за содержанием. Если проповедник был авторитетным человеком, заслуживающим полное одобрение и доверие духовного начальства, то он мог быть освобождён от подачи текста своего сочинения на предварительный просмотр цензору. Например, протоиерей ржевского собора Матфей Константиновский был освобождён архиепископом Григорием (Постниковым) от подобной процедуры после того, как последний сам слышал его поучение во время одной из литургий²⁵. Можно добавить, что проповеди о. Матфея славились на несколько десятков верст в округе, и послушать его приезжали люди из самых далёких сел уезда. Причина этого – необычайная простота и понятность даже самому необразованному человеку²⁶.

В справках и послужных списках духовенства, хранившихся в консистории, в случае, если священнослужитель говорил проповеди собственного

²¹ Литвак Б.Г. Русское православие в XIX веке // Русское православие: вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М., 1989. С. 311.

²² ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2708. Л. 2 об.; Устав духовных консисторий 1841 г. Ст. 9.

²³ Там же. Д. 272. Л. 101.

²⁴ Устав духовных консисторий 1841 г. Ст. 9.

²⁵ О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора († 14 апреля 1857 г.) // ТЕВ. 1902. № 5 (неоф. часть). С. 133.

²⁶ Там же. С. 131.

сочинения, часто особым пунктом отмечалось: «Проповеди свои сказывает»; иногда указывалось и количество созданных за год сочинений такого рода²⁷.

К проповедованию слова Божия в кафедральных и уездных соборах привлекались не только священнослужители-соборяне. Например, в расписании проповедей в тверском кафедральном соборе на 1804 г. было запланировано 81 поучение, из них на долю соборных священников приходилось 6 проповедей (7,4%), на прочих священников Твери – 27 (33,3%), на тверских дьяконов – 7 (8,7%), на священников сёл тверского уезда – 23 (28,4%), на преподавателей духовных учебных заведений – 18 (22,2 %) ²⁸. Назначенные проповедники письменно извещались об этом заранее, давали подписку об ознакомлении с данной информацией и обязывались предоставить проповедь на рассмотрение соборному протоиерею за неделю до указанного числа²⁹. Подобная практика существовала во всех соборах епархии; а впоследствии была закреплена в Уставе духовных консисторий в 1841 г.³⁰

Упущение своей «череды» в проповедовании влекло за собой разбирательство в консистории или в местном духовном правлении (смотря по тому, кому был подведомствен провинившийся). Например, в 1800 г. Бежецкое духовное правление разбирало дело о подобных проступках; священнослужители представили в духовное правление свои объяснения о причине содеянного, но приводимые аргументы начальство сочло неубедительными, поэтому священники были наказаны: «... сих священников за опущение их должности и оштрафовать взысканием на содержание бедных учеников с каждого по рублю, и те деньги отослать в семинарское правление...»³¹

Предупреждение о подобных же санкциях было послано из консистории в Старицкое духовное правление в 1809 г., когда некоторые из священнослужителей не явились в назначенные дни в зубцовский собор для оглашения своих поучений перед народом. Как следует из данного документа, некоторые представители духовенства объясняли своё опущение неспособностью к проповедованию, однако духовное начальство рассматривало это как несостоятельную и «незаконную» причину³². Сам факт признания себя некоторыми священниками неспособными к проповедованию уже достаточно примечателен и показателен для анализа и оценки сложившейся в начале XIX в. ситуации в данной сфере.

В 1808 г. по духовному ведомству было распространено постановление, согласно которому епархиальные власти должны были предоставить в Св. Синод проповеди подведомственных им проповедников, если таковые поучения особо выделялись стилем изложения, назидательным содер-

²⁷ См., например: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2437. Л. 5; Д. 6340. Л. 264; Протоиерей Михаил Михайлович Морковин (некролог) // ТЕВ. 1894. № 2 (неоф. часть). С. 39.

²⁸ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 360. Л. 2–7 об.

²⁹ Там же. Л. 2–9.

³⁰ Устав духовных консисторий 1841 г. Ст. 10.

³¹ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 314. Л. 5–5 об.

³² Там же. Д. 983. Л. 21.

жанием и были достойны публикации в печати. В период с 1808 по 1813 гг. Тверская епархия не отправила в Петербург ни одной проповеди (о последующем периоде данные отсутствуют)³³. Единственный известный проповедник этого времени, которого собирався послушать весь цвет губернского города – протоиерей Мироносицкой церкви Петр Иванович Алимпиев³⁴.

Однако во второй четверти XIX в. Тверская епархия уже могла похвастаться наличием нескольких видных проповедников. Как отмечают «Тверские епархиальные ведомости», в Твери в 30-40-е гг. XIX в. было трое священнослужителей, наделённых проповедническим даром: священник Христорожественской в Рыбаках церкви Я. Л. Морошкин, священник Мироносицкой церкви Н. И. Благовещенский и священник той же Христорожественской в Рыбаках церкви И. И. Соколов³⁵. Примерно в это же время в Ржеве и его уезде славился своими поучениями уже упомянутый протоиерей ржевского собора Матфей Константиновский. В 50-е гг. XIX в. в отчётах духовного начальства о состоянии Тверской епархии в качестве активного проповедника отмечается также упоминавшийся выше священник тверской Владимирской церкви В. Ф. Владиславлев³⁶. Слава этих талантливых ораторов пережила их самих.

Регулярные катехизические поучения в Тверской епархии начали читать с 1827–1828 гг. после получения соответствующего указа из Синода. В распоряжении духовной консистории по этому поводу говорилось, что «преподавание сие должно быть систематическое в роде катехизического учения, основанного не на простом разуме, но на доводах из Священного писания»³⁷. Исполнение этой функции возлагалось на наиболее образованных представителей духовенства – на магистров и кандидатов, а где их не было – на соборных протоиереев или самых благонадёжных священнослужителей. Например, в Твери в 1827 г. такая обязанность была возложена на ректора тверских духовных уездного и приходского училищ, соборного священника Иоанна Ловягина³⁸.

Чаще всего подобные поучения читались в воскресные или праздничные дни, когда собиравлось достаточно большое количество народа³⁹. Местом чтения выбирались соборы или же самые посещаемые приходские храмы⁴⁰. В 1859 г. в Кашине катехизические поучения читались в 5 (из 20) городских храмов, а в Осташкове – в соборе и двух церквях⁴¹. Беседы составлялись назначенными священнослужителями по утверждённому архиереем плану; за год предполагалось преподать весь катехизис⁴². Согласно Уставу духовных

³³ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 830. Л. 1–26.

³⁴ 1812-й год в Тверской епархии // ТЕВ. 1884. № 11 (неоф. часть). С. 345.

³⁵ Тверские проповедники... // ТЕВ. 1896. № 5 (неоф. часть). С. 121.

³⁶ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 6340. Л. 158.

³⁷ Там же. Д. 4064. Л. 8 об.– 9.

³⁸ Там же. Л. 16 об.

³⁹ Там же. Д. 4216. Л. 45.

⁴⁰ Там же. Д. 4064. Л. 8 об.

⁴¹ Там же. Д. 6442. Л. 27–27 об., 114 об.

⁴² Там же. Д. 4216. Л. 43; Д. 5960. Л. 78 об.

консисторий, в конце года катехизаторы должны были предоставлять тексты своих поучений на рассмотрение епархиальному начальству – архиерею или назначенному им лицу. В Тверской епархии в середине XIX в. (а, возможно, и ранее) существовал специальный комитет по рассмотрению катехизических поучений, который состоял из трёх священников⁴³.

Однако эффективность подобного рода бесед была сомнительной, что неоднократно отображалось в рапортах благочинных епархиальному начальству⁴⁴. Об этом же не раз говорил И. С. Белюстин. Главную причину неудач он видел в следующем: «Цель поучений катехизических должна быть – напоминать слушателям, поддерживать в них узнанное ими прежде, а не в первый раз только сообщать важнейшие истины веры. Выучить с кафедры крестьянина тому, чего он не слыхивал никогда прежде, дело решительно невозможное... успех дела возможен только при одном условии: если он преподается в строгой последовательности, а не афористически; какой же успех может быть, когда крестьянин выслушает одно поучение, потом пропустит пять и снова явится слушателем?»⁴⁵.

Показательны и красноречивы данные отчёта Синоду о состоянии Тверской епархии в 1851 и 1857 гг.; в них оценивается степень эффективности данного вида пастырской деятельности и указываются причины, которые мешают распространению основ веры в народе посредством такого рода поучений. В отчёте за 1851 г. архиерей прямо признаёт, что катехизические поучения слишком сложны для понимания народа: «Нельзя похвалиться знанием прихожан начальных истин веры; однако ж в этом отношении они светлее становятся. Ибо по внушению моему, священно– и церковнослужители кроме форменных катехизических поучений, преподают начала веры простым рассказом. Благочинные доносят, что эта манера проста, людям, особенно детям, нравится; и они стали ходить в церковь охотнее»⁴⁶.

Из отчёта 1857 г. следует: «Народ слушает оныя [катехизические] поучения со вниманием, но особых успехов, по сему предмету, не заметно, да и нельзя ожидать успеха потому, что не только простому народу, но и всем вообще православным более нравятся краткия поучения, сказываемыя во время литургии, и притом не утомляющия их слушание»⁴⁷.

Таким образом, в первой половине XIX в. духовным начальством предпринимались попытки научения народа основам православной веры и нравственности через активное проповедование и систематические катехи-

⁴³ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5960. Л. 78 об.; Д. 6299. Л. 1; *Белюстин И.* Русь православная // *Континент.* 1994. № 74. С. 148.

⁴⁴ См., например: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 6340. Л. 121.

⁴⁵ Несмотря на то, что в приводимой цитате И. С. Белюстин говорит о крестьянах, данное сравнение уместно хотя бы потому, что к городским приходам часто были приписаны окрестные сельские поселения. См., например: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 15742. Л. 5–8, 11–12 об.; Д. 15779. Л. 1–7, 13–15 об.; Д. 15979. Л. 2–4; *Белюстин И.* Русь православная. С. 148–149.

⁴⁶ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5960. Л. 77 об.

⁴⁷ Там же. Д. 6340. Л. 98 об.

зические поучения. Одновременно изменяется подготовка священнослужителей, пересматриваются требования, предъявляемые к проповедникам. Какова же результативность?

К середине XIX в. проповеди священников действительно становятся более похожими на беседу по своему языку и форме подачи материала, и это благоприятно сказывалось на восприятии и понимании их слушателями. Но о явном положительном эффекте от чтения катехизических поучений говорить не приходится. Несмотря на предпринимаемые усилия, степень усвоения народом основ веры оставалась очень низкой, что признавали сами епархиальные архиереи. Причиной этому были сложный язык, большая продолжительность поучений, низкий уровень образованности (светской и религиозной) в среде простых людей и невозможность добиться системного преподавания в рамках приходской церкви. Слабое знание азов православия простым народом в сочетании с растущим религиозным индифферентизмом в просвещённом русском обществе станет одной из главных проблем для Русской православной церкви во второй половине XIX в.

Список литературы:

1. *Freeze G. L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press, 1983.
2. *Лутвак Б.Г.* Русское православие в XIX веке Русское православие: вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М., 1989. С. 311.

THE PREACHING IN THE PRACTICE OF THE URBAN CLERGY OF TVER DIOCESE IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

D. A. Begovatov

The Tver State University,
the chair of national history

The paper focuses on the development of the preaching in the practice of the urban clergy in the first half of the 19th century by example of Tver diocese. The complications of organization homiletic and catechismal sermons and effectiveness of the orthodox homily are also under consideration.

Keywords: preaching, Tver diocese, orthodox clergy, catechization.

Об авторе:

БЕГОВАТОВ Дмитрий Александрович – аспирант кафедры отечественной истории исторического факультета Тверского государственного университета.

BEGOVATOV Dmitry A. – the post-graduate student of the Department of Russian history of the Tver State University.

E-mail: begovatov1986@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.09.2011 г.